

Н. Х. БУНГЕ О КОЛОНИЗАЦИИ, ПРОБЛЕМАХ ОКРАИН И НЕМЕЦКОМ ВОПРОСЕ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: МЕЖДУ ДВУМЯ КОНЦЕПЦИЯМИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ст.

У дослідженні пропонується аналіз поглядів М. Х. Бунге щодо проблем міжетнічних протиріч пізньої Російської імперії. Особливу увагу приділено його практичним рекомендаціям вирішення конфліктів між центром і етнічними околицями та концепції інтеграційної політики. Доведено, що Бунге пропонував близький до ліберального варіант вирішення національного питання.

Ключові слова: Н. Х. Бунге, російський націоналізм, колонізація, німецьке питання в Росії, пізня Російська імперія.

В данном исследовании предлагается анализ взглядов Н. Х. Бунге относительно проблемы межэтнических противоречий в поздней Российской империи. Особое внимание уделено практическим рекомендациям решения конфликтов между центром и этническими окраинами, концепции интеграционной политики. Доказано, что Бунге предлагал близкий к либеральному вариант решения национально-го вопроса.

Ключевые слова: Н. Х. Бунге, российский национализм, колонизация, немецкий вопрос в России, поздняя Российская империя.

In der vorliegenden Forschung wird die Analyse der Auffassungen von N.Ch.Bunge hinsichtlich des Problems der zwischenethnischen Widersprüche im späten Russischen Reich dargeboten. Besondere Aufmerksamkeit wird den praktischen Empfehlungen der Lösung der Konflikte zwischen dem Zentrum und den ethnischen Randgebieten, der Konzeption der Integrationspolitik gewidmet. Es ist bewiesen, dass Bunge eine zur liberalen nahe Variante der Lösung der nationalen Frage vorgeschlagen hat.

Schlüsselwörter: N.Ch. Bunge, der russische Nationalismus, die Kolonisation, die deutsche Frage in Russland, das späte Russische Reich

The author offers the analysis of N. Kh. Bunge's views on the problem of interethnic contradictions in the late Russian Empire. It is paid special attention to Bunge's practical recommendations of resolving conflicts between the central Russian authorities and the ethnic regions. The author tells about Bunge's concept of integration policy and proves that the politician proposed a liberal way of national problems' solving.

It was quite predictable that the issue of interethnic problems would appear in N. Kh. Bunge's publicism heritage in 1880–1890's. By that time Russian nationalism had formed a discussion about the problems of interethnic relations in the Russian Empire. Nationalistic discourse influenced Russian society, appealed to the politicians demanding to offer a practical answers. The liberal program of N. Bunge's reforms had a social determination and was aimed to create favorable conditions for activities of all social groups (including peasantry and former colonists). Having had a positions of the head of the Ministry of Finance and the Committee of Ministers, Bunge often faced the problems of interethnic contradictions. N. Bunge's „After-death Notes“ (that were being written before 1895) were his political testament, where he expounded all the experience of his political life. In the „Notes“ the politician proposed a liberal way of national problems solving.

N. Bunge presented an analysis of the most problematic points in the system of relations between the authorities and the ethnic outskirts. On the first side, Bunge's ideas were close to his predecessors-conservatives. However, being a practicing politician, N. Bunge not only criticized the „outskirts“ but he also admitted many mistakes that the central government had committed. He rejected forceful way of national problems' solving and offered his concept of integration policy. Among Bunge's arguments there were elements of both conservative and liberal ways of problems' solutions. His political recommendations were addressed to his contemporaries, but the problems were so difficult to resolve that his ideas are still important for the present time.

Keywords: N. Kh. Bunge, Russian nationalism, colonization, German issue in Russia, late Russian Empire.

Обоснование темы

Для понимания социальных процессов, связанных с вопросами российской колонизации и внутренней межэтнической ситуации в поздней

Российской империи, несомненный интерес представляют голоса тех деятелей, которые, занимая важные государственные посты, являлись представителями нетитульных этнических групп и кон-

фессий, чья легитимность была подвергнута сомнению в условиях развития российского национализма. Среди замечательных политиков-реформаторов российского государства последней трети XIX ст. достойное место принадлежит Н. Х. Бунге (1823–1895). Последовательно занимая пост министра финансов и председателя Комитета министров, Бунге заложил основы тех социальных инноваций, которые в дальнейшем реализовали С. Ю. Витте (1849–1915) и П. А. Столыпин (1862–1911). Поскольку реформаторские усилия двух именитых последователей Н. Х. Бунге предполагали различные пути решения социальных проблем применительно к внутриэтнической ситуации в России, важным является вопрос о том, какую роль сыграли взгляды и деятельность савоиника для дальнейшего самоопределения внутренней политики Российской империи, которая колебалась между либеральным (проводимым С. Ю. Витте) [17] и более консервативным путем решения национального вопроса, проявлением которого стало правление П. А. Столыпина [14]. Изучение представленной нами проблемы позволяет не только определить место Бунге в истории российского реформаторства, но и осмыслить возможность либеральной альтернативы в политике самодержавия обозначенного нами периода.

Источники

Будучи практикующим экономистом и талантливым преподавателем, взгляды которого сформировались под влиянием западной традиции, Бунге был знаком с признанными в мире концепциями политэкономии, которые к тому времени были апробированы передовыми европейскими обществами и принесли позитивные результаты для их развития. Анализ данных концепций (с точки зрения их применения к российским реалиям) Бунге изложил в ряде работ научного и публицистического характера [7; 10–12]. Известны также тексты лекций, которые будущий политик преподавал цесаревичу, безвременно ушедшему Николаю Александровичу (в 1863–1864 гг. он прочитал ему полный курс финансового права), а в дальнейшем – будущему императору Александру III [1]. Однако научные и дидактические труды политика лишь опосредованно касаются проблемы «окраин» и межнациональных отношений – главной темы нашего исследования. Свою концепцию внутренней политики в области межнациональных отношений в Российской империи Бунге изложил в записках «Загробные заметки», которые явились его непубличным завещанием и изначально были адресованы Александру III (составлены до 1892 г.), однако вследствие объективных обстоятельств были переданы Николаю II после смерти автора в 1895 г. [37; 41]. Известно, что Бунге работал над «Загробными заметками»

с конца 1880-х, в результате чего изначально появились две текстовые версии его «завещания» [41]. Последний, третий и более краткий вариант, выполненный для молодого монарха, был озаглавлен «Задачи царствования. 1881–1894 гг.» [37]. Николай II распорядился раздать «Заметки» великим князьям, министрам и членам Государственного совета, тем самым придав их некоторой публичности [36, с. 272–273]. Структура «политического завещания» Н. Бунге включает в себя вопросы, касающиеся как внешней, так и внутренней политики России в период правления сразу нескольких императоров. Значительную часть «Загробных заметок» составляет анализ проблем межнациональных отношений. Раздел, посвященный национальному вопросу, делился на несколько частей, отражающих еврейскую, польскую, финляндскую, мусульманскую и, наконец, остзейскую проблемы [8]. Изложенные Н. Бунге предложения о применении гибких, либеральных методов в области национальной политики, рациональной организации государственного аппарата, предоставлении широких полномочий органам местного самоуправления, переходе к новой системе народного образования, об отказе от искусственной поддержки сельской общины и введении на селе частного крестьянского земледелия, смягчении остроты социального конфликта между рабочими и предпринимателями, дальнейшей разработке налоговых преобразований были восприняты большинством представителей российского политикума как излишне радикальные. Об этом, например, писал и С. Ю. Витте, который, несмотря на свое скептическое отношение к заметкам, в дальнейшем всё же реализовал на практике некоторые пункты программы своего предшественника [20, с. 110–111].

Как следует из описания исследователей, нашедших и представивших тексты, данные варианты записок отличались друг от друга не столько степенью либеральности/консервативности в подходах к решению отдельных злободневных вопросов российской действительности, сколько объемом. Несмотря на то, что историки (П. А. Зайончковский [22; 23], Л. Е. Шепелев [40], Н. И. Ананьич [2; 3] более всего обращались к третьему, наиболее доступному варианту текста, лишь совокупность двух редакций способна показать всю широту осмысления проблемы и аргументации его автора. В нашем распоряжении оказались две последние версии заметок, тексты которых были опубликованы Л. Е. Шепелевым и В. Л. Степановым [8; 9]. Вместе с тем для полной картины взглядов Н. Бунге по интересующей нас проблеме следует учитывать деятельность политика на посту председателя Комитета министров, поскольку

ку именно в период второй половины 1880-х гг. были приняты важные ограничительные законы относительно немецкого землевладения [25]. Составляя многотомник «Исторический обзор деятельности Комитета министров», его редактор О. М. Коломзин включил в четвертый том ряд положений «Загробных заметок», которые должны были пояснить мотивы деятельности данного государственного органа относительно решений в области национальной политики в период правления Н. Бунге. Некоторые положения «Записок Бунге» нашли отражение в высочайшем указе 12 декабря 1904 г., где, в том числе, провозглашались и принципы сохранения религиозной толерантности [34].

В работе также использованы источники личного происхождения (воспоминания, дневники, переписка), которые отражают некоторые события внутренней политики и общественной жизни 1880-х – первой половины 1890-х гг.: мемуары министра финансов С. Ю. Витте [19; 20], переписка Николая Христиановича Бунге и Константина Петровича Победоносцева [13; 26], дневники В. И. Модестова [30] и Н. А. Найденова [32].

Общий обзор деятельности Н. Х. Бунге

Традиции семьи, её европейское прошлое, связи с западной культурой, протестантское благочестие были средой формирования взглядов Н. Х. Бунге. Несмотря на то, что исследователи упоминают либо о шведских [32], либо о немецких корнях [27] династии Н. Бунге, несомненным является тот факт, что в Россию его род прибыл из германских земель, а сам будущий политик мог по праву гордиться своими далёкими и близкими предками. Его дед, Георг Фридрих Бунге, переселенец из Восточной Пруссии, обосновался в Киеве, был известным аптекарем и в 1791 г. получил дворянство. Георг был также широко известен как основатель лютеранской общины Киева [28].

Отец политика, Христиан Георгиевич, был талантливым практикующим врачом-эпидемиологом, доктором медицины, получившим образование в Санкт-Петербургском (1792–1796) и Йенском университетах (1796–1798). Х. Бунге был награждён бронзовой медалью на Владимирской ленте, имел титул коллежского советника [27]. И хотя сам Н. Х. Бунге не получил европейского образования (окончил Императорский университет Святого Владимира, ректором которого он был трижды (в 1859–1862, 1871–1875, 1878–1880 гг.)), специализация молодого ученого (политическая экономия) сформировала из него человека европейского мировоззрения. Его знания и компетентность были признаны в России: с 1859 г. Н. Бунге являлся членом-корреспондентом, а затем и действительным членом Академии наук [6].

Политик никогда не причислял себя к инородцам. Объяснение столь осторожному поведению

находим в ранней версии «Загробных записок», а именно в том месте, где автор рассуждает о вреде архинационализма: «Архинационализм не прочь даже порыться в генеалогии для того, чтобы человека с иностранной фамилией отнести к пришельцам, выходцам и иностранцам» [8].

Начиная свою карьеру как педагог и ученый, Н. Х. Бунге выступал просветителем и популяризатором лучших концепций мировой политэкономической мысли, посредством которых преподаватель раскрывал перед студентами исторический опыт развития европейской цивилизации [1]. Будущий сановник владел европейскими (английским, немецким, французским) языками, по своим взглядам был близок к либеральному петербургскому кружку К. Д. Кавелина и братьев Н. А. и Д. А. Милютиных [39].

Научные взгляды Бунге постоянно подвергались практической апробации. Он неоднократно привлекался к выполнению важнейших государственных проектов: являлся экспертом Редакционных комиссий (1859–1860) по разработке законопроекта ликвидации крепостного права и по разрешению крестьянского вопроса, служил управляющим киевской конторы Госбанка, возглавлял финансовую комиссию по составлению городских тарифов г. Киева. В 1880–1881 гг. Н. Бунге был назначен товарищем министра финансов, а в 1881–1886 гг. занимал пост министра финансов России, состоял членом Государственного совета (1881). В 1887–95 гг. Н. Бунге выполнял обязанности председателя Комитета министров [38]. Кроме этого, он являлся почетным членом Российского географического товарищества (с 1881 г.), Международной академии промышленных наук в Мадриде (с 1884 г.), Товарищества содействия российскому торговому мореплаванию. Сановник был кавалером орденов св. Станислава первой (1865) и второй степеней (1857), святого Владимира первой (1895), второй (1875) и третьей (1862) степеней; святой Анны первой степени (1868); орденов Белого Орла (1879), св. Александра Невского (1883); бриллиантовых знаков (1889), бразильского и бельгийского орденов [6].

Как признано в историографии, преобразования, проведенные Министерством финансов в 1881–1886 гг., составили важный этап в экономической политике российского правительства. Занимая пост министра финансов, Н. Бунге сделал всё возможное для реализации своего понимания реформирования государства [31]. Такие мероприятия, как понижение выкупных платежей бывших частновладельческих крестьян и перевод их на обязательный выкуп, отмена подушной подати, учреждение Крестьянского поземельного банка и принятие первых актов рабочего законодательства, фактически были продолжением

Великих реформ 1860-х годов и способствовали частичному решению проблем, оставшихся после отмены крепостного права [39]. Ценой принятия данных реформ стала отставка Н. Бунге и его идейный конфликт с «правыми». В январе 1887 г., после преимущественно негативной реакции на результаты его деятельности, политик оставил пост министра финансов и был назначен председателем Комитета министров. По этому поводу М. Катков высказывался достаточно резко: «Событие это произведёт удручающее впечатление на весь крещёный мир. Неспособный министр, причинивши столько вреда стране ... Не знаю, в какой мере может быть полезен или вреден признанный неспособным министр в должности председателя комитета министров... Известная лжелиберальная партия считает его своим» [26].

Для того, чтобы достоверно реконструировать отношение Н. Бунге к инородцам, окраинам и колонистам, которые после реформы 1871 г. получили звание поселян-собственников и были близки по правовому статусу к государственным крестьянам, следует принять во внимание взгляды Н. Бунге по крестьянскому вопросу в целом. По объективным причинам во второй половине XIX в. национальный вопрос, вызванный, с одной стороны, польскими восстаниями, а с другой – Великими реформами, стал одним из важнейших факторов общественной жизни Российской империи. По понятным причинам, Николай Христианович Бунге, как член проектных комиссий, министр и политик, не мог быть индифферентным к дискуссиям, поднятым вокруг данной проблемы. Как показывает дальнейший анализ его политической деятельности, в целом он не был далёк от позиции Ф. Самарина в отношении, например, немецкого вопроса в государстве [16], но его взгляды постепенно обретали всё более либеральный характер. Понятно, что инородческая проблема, связанная с вопросами землевладения и землепользования, была исключительно важна, прежде всего, для решения крестьянского вопроса, а равно и для формирования общего социального баланса в государстве, который должен был обеспечить подданным равные, если не права, но возможности, которые могли бы позволить каждому из сословий раскрыть свой производственный и духовный потенциал. Политик видел прямую связь между улучшением финансового положения страны и повышением благосостояния народа, включая его беднейшую часть – крестьянство. По этому поводу в мае 1881 г. Н. Бунге писал К. П. Победоносцеву: «Чем менее нужды, чем лучше материальные условия народного быта, тем прочнее существование государства, ибо тем труднее внутренним врагам пошатнуть государственные основы...» [13].

Н. Бунге был убеждён, что российский крестьянин имеет не меньше способностей, чем его западные собратья по аграрной деятельности, и отрицал какие-либо препятствия для его успеха. В определённых социальных условиях, полагал Н. Бунге, российский крестьянин может быть не менее благополучен, чем его собрат-иностранец: «Разве русский человек головой обижен? Ничуть. Ментальностью он отличается перед другими народами. Разве он безнравственнее других? По природе нет, но нравственность политическая вырабатывается обстоятельствами, и, чтобы сберечь достоинство слабой натуры человека на поприще государственной деятельности, нужно по возможности оградить его от ошибок и от соблазнов» [там же]. В связи с этим весьма целесообразным было использование для реформирования крестьянства западной модели. Н. Бунге считал важными действия по превращению вчерашнего крепостного в полноценного собственника земли, подобного колонисту. Бунге был также и последовательным противником общины. Об этом вспоминал, например, С. Витте, который разделял позицию Н. Бунге, полагавшего, «что главный тормоз экономического развития крестьянства – это средневековая община, не допускающая совершенствования» [19, с. 499]. Другим важным фактором проявления потенциала российского крестьянина являлся показатель его обеспечения землей. По сведениям самого политика, на 1895 г. в 46 губерниях Европейской России было 726 388 безземельных дворов [33]. Анализируя результаты мониторинга землеобеспеченности крестьянства, Н. Бунге выступил одним из инициаторов программы переселения крестьян. Однако запуск программы натолкнулся на значительные препятствия, и во втором варианте «Заметок» Бунге с сожалением писал о неудачах переселенческого проекта, инициированного Министерством государственных имуществ в 1881 г.: «Никаких начал не было принято в основание разработки предмета, ни один общий вопрос не был возбужден» [9, с. 208]. Бунге полагал, что «нищета гонит обедневшее население в лоно социализма», и пытался противодействовать консервативным воззрениям других экспертов (Д. Ф. Самарина, князя Александра Илларионовича Васильчикова (1818–1881) (автор трудов по истории русской общины и аграрному вопросу) [там же]. Позднее, благодаря влиянию министра финансов, программа переселения крестьян в Сибирь будет одобрена. С. Витте рассуждал: «Уж и не знаю. Благодаря ли влиянию Н. Х. Бунге, или просто по собственному влечению сердца молодой цесаревич Николай решительно встал на сторону интересов крестьянства, и в принципе был решен вопрос о допущении и даже некотором поощрении переселения крес-

тян, которым трудно было жить в Европейской России, в сибирские края» [19, с. 512].

Обозначенные проблемы развития крестьянства как наиболее уязвимого в Российской империи сословия стали своеобразной призмой, через которые Бунге оценивал роль иноземцев и колонистов в Российской империи. Анализируя состояние инородцев, он задавался многочисленными вопросами о том, почему и за счёт чего достигнуто благосостояние колоний и иноязычного населения, справедливым ли является решение земельной и правовой ситуации в государстве, а также какую пользу империя извлекает из неё.

Проблемы межэтнических отношений в оценке Н. Бунге

О проблемах межнациональных отношений в Российской империи Н. Бунге знал не понаслышке. В октябре 1859 г. он вернулся в Киевский императорский университет и очутился в многонациональной среде, которая в некотором смысле отражала этническую ситуацию самого региона. Среди преподавателей университета им. Святого Владимира было немало иностранцев, главным образом немцев (профессора К. Кесслер, О. Эйхельман, В. Бестер, В. Беккер, В. Бец, Х. Гюббенс), приглашенных из-за нехватки собственных кадров [24]. Бунге стал третьим ректором данного учебного заведения (после Е. Траутфеттера и М. Ренненкампа), носившим немецкую фамилию. Периодически фактор многоэтничности приводил к разногласиям внутри учебного заведения, вызывая появление «фракций» по этническому признаку. В Киеве с его разноплеменным населением (русские, украинцы, поляки, евреи, немцы. В 1874 г. в Киеве проживало 2 583 немца) данные противоречия приобретали весьма острые формы. Историк и теолог В. И. Модестов, который одновременно преподавал в Киевском университете и Киевской духовной семинарии, сообщал, например, о «борьбе интересов» украинской и немецкой «коалиций», между которыми существовали «противоречия, подозрительность и ненависть» [30, с. 337–340]. Не менее ожесточенные национальные конфликты вспыхивали среди студентов. Так, накануне польского восстания отношения между преподавателями и студентами-поляками заметно ухудшились. В университете усиливались консервативные и шовинистические тенденции [29]. Тот факт, что Н. Бунге задержался на позиции ректора на три срока, свидетельствует о том, что он оказался способен к регулированию противоречий внутри университета. Он посвятил себя преподаванию и административной работе, и когда в 1869 г. «московские немцы» (фирма М. М. Вогау) пригласили его на должность управляющего основанного ими Московского учетного банка, он категорически отказался покинуть Киев

[32, с. 116]. Межнациональный климат в университете являлся своеобразной проекцией межнациональных проблем в государстве в целом.

Окраины как отдельная внутривосточная проблема Российской империи

Бунге признавал, что тема взаимоотношений с окраинами является давней проблемной зоной во внутренней политике Российского государства. Среди основных факторов, которые разделяют регион с центром и тем самым являются причиной сепаратистских тенденций, политик обозначил следующие: «расовые [читай, этнические] особенности отдельных территорий, гражданские отношения, общественное устройство, склад общественной жизни и сословные отношения, государственно-административное управление, религия и язык» [9, с. 210]. Н. Бунге заметил, что российские политики никогда не уделяли данной жизненно важной теме должного внимания, и к сепаратистским настроениям окраин долгое время российское общество и политиком относились «благодушно». Лишь Александр III явился тем правителем, который потребовал «разностороннего решения» злободневной темы [там же].

Описывая особенности этнической ситуации в России, Н. Бунге отмечает, что в полиэтнической империи отдельные группы (даже те, которые являются «более развитыми по своей культуре») не имеют «органов» (средств) самовыражения и находятся под «господством» «сильного своею численностью русского народа» [8]. Данное замечание из уст Бунге-монархиста звучит совершенно нейтрально, и он призывает властимущих прийти к такому решению инородческой и окраинной проблемы, чтобы «Россия принадлежала русским» [там же]. В таком государстве, пронизанном «иноплемениками и инородцами» (только евреев, по данным Бунге, около 6 млн), государство должно следовать осторожной и продуманной политике. Н. Бунге не высказывает сомнений относительно силы монархии («иноплеменные стихии для нее не опасны и в том случае, если бы они были ей враждебны»), которая, несомненно, может «заставить уважать себя, требовать знания русского языка от грамотного населения, приходящего в соприкосновение с русской администрацией, требовать уважения к господствующему исповеданию» [8]. Однако он же предупреждает, что силовых мер для удержания окраин явно недостаточно: «То, что достигается силою, не всегда прочно, и если порождает озлобление и вражду, то ведет к внутреннему и внешнему ослаблению государства» [там же]. Он полагает, что неприязненное отношение окраин порождает территориальные претензии с боку соседних государств, «возбуждает в соседних государствах надежды, если и не вполне основательные, то дающие повод

к политическим соображениям и расчетам, с которыми надо считаться, так как их нельзя признать мечтательными» [8].

Как многие его предшественники и последователи, в более ранней версии завещания Бунге рассуждает о явлении национализма, которое считает приметой времени. Подобно С. Ю. Витте, сановник связывает его с понятием «патриотизм» [17, с. 187]. Бунге делится своими наблюдениями о том, что во второй половине XIX в. космополитические воззрения конца XVIII и первой половины XIX ст. постепенно уступили первенство сперва идее национальности, а затем стремлению к преобладанию одних племен над другими или же к поглощению слабейших племен господствующими: Венгрия желает омадьярить славян, немцев и румын; Германия — онемечить французов в Лотарингии, датчан в Шлезвиге и поляков в Познани. То, что Россия пытается также обрусить свои окраины, является вполне закономерной и отвечающей времени политикой. Однако, находя объективную природу феномена, Н. Бунге выступает против его крайних проявлений — «архинационализма», исторического дарвинизма, принижения инородцев. Он предлагает российским политикам найти некое «целесообразное среднее», ссылаясь на Фридриха Листа (германского патриота, то есть националиста), который избрал эпиграфом для своей «Национальной экономии» слова: «Et la patrie et l'humanité» [«И отечество, и человечество»] [8]. Н. Бунге обращает внимание властей на некоторые нежелательные проявления националистических настроений в России: «...Как некогда в негре белые не признавали человека, так в настоящее время в иностранце или инородце коренные жители страны не признают однородного с ними человека. Архинационализм не прочь даже порыться в генеалогии для того, чтобы человека с иностранной фамилией отнести к пришельцам, выходцам и иностранцам» [там же].

Н. Бунге явился первым из теоретиков, кто пытался пояснить психологические причины националистических настроений, обвиняя в этом и власть (на определённом этапе формирования отношений с иноземцами), и самих иноверцев. Политик считает, что в ходе завоеваний новых территорий русская власть почти всегда отличалась необыкновенною мягкостью, и «покоренные народы не только не чувствовали вначале какого-либо гнета, но находили в новом правительстве покровительство и защиту, которой нельзя было ожидать от прежней власти» [там же]. Это стало причиной того, что побежденные относились к победителям-русским как «господствующая раса», т.е. проявляли высокомерие, «которое со временем становилось нестерпимым». Именно

оскорблённое чувство национального достоинства явилось причиной появления русского национального чувства. Нерегулируемые проявления национализма привели к тому, что «за мягкостью, можно сказать, распушенностью, следовала суровая настойчивость для наверстания всего потерянного вследствие ряда послаблений» [8]. В этом Н. Бунге обвиняет правительство, которое позволяло себе непоследовательную политику в отношении к этническим регионам, допускало сепаратистские проявления с их стороны: «Действия его [правительства] сопровождалось трескучими газетными излияниями, способствовавшими обоюдному раздражению, а меры, которые оно принимало, не всегда носили печать спокойствия и последовательности... Отсюда жалобы на преследования, на гнет и пр., жалобы, не лишённые основания в том смысле, что упомянутые меры имели иногда характер порывистый и страстный» [там же].

Н. Бунге настаивает на том, что «истина заключается не в крайностях, не в беспочвенном космополитизме, не знающем ни племенных особенностей, ни государств, как политических целых, и не в эгоистическом национализме, отвергающем во всякой другой народности, кроме своей, право на существование» [8]. Верными он считает действия Александра III. Император выдвинул требование того, что «Россия должна принадлежать русским», и в этом проявилось, без сомнения, одно из стремлений не только русского общества, но и того исторического момента, который переживала Россия. Сановник поясняет националистический курс Александра III, в целом позитивно презентуя его программу решения национального вопроса. Император, по мнению политика, действовал без «эгоистического национализма», предлагал учитывать интересы инородцев и окраин: «Этот путь — путь к сближению. Открывал инородцам и даже сектантам право свободы совести» [3, с. 33].

Рассматривая причины обособленного положения окраин и их народов, Н. Бунге выделяет фактор «племенных особенностей населения» регионов, которые, тем не менее, по мнению политика, не являются непреодолимыми и быстро устраняются «силою цивилизации», то есть влиянием, которое, как следует из его соображений, несет в себе русская культура. В более ранней из используемых нами версии «Заметок» Н. Бунге упоминает о методах русификации, используя при этом слово «обрусить» [8]. Рецепт сглаживания «расовых особенностей окраин» видит в переселении коренного русского населения на окраины, а жителей регионов — во внутренние губернии [9, с. 211]. При этом, однако, он не исключает опасность того, что переселенцы сами могут «вжиться

в традиции развитых окраин», то есть попасть под негативное влияние инородческой культуры. Данные размышления Бунге выглядят фактически как первый схематический проект депортации, однако, он не несет в себе моментов насилия, а предлагается как средство сближения и взаимопознания.

Далее политик обращает внимание на то, что «санкцию на обособление [окраинам] дают некоторые государственные и административные учреждения [...], если они имеют законодательный и высший административный характер при совершенном отделении от законодательных и административных учреждений Империи» [9, с. 211]. Выступая против самостоятельности отдалённых этнических регионов, политик предлагает ограничить их права возможностью регулирования лишь местных проблем локального характера. При этом рациональным шагом он считает включение представителей национальных элит в органы государственного управления, где их деятельность будет носить контролируемый характер [там же].

Огромное значение Н. Бунге отводит религии, которая становится важнейшим фактором обособления окраин и их населения в случае, если «она принадлежит не к господствующей церкви, а к одному, но не разным иноверным исповеданиям, богослужение которых отправляется на иностранном, а не на русском языке» [9, с. 210]. Вслед за К. Победоносцевым политик предостерегает, что религия «поддерживает инородческие элементы внутри России» и препятствует их слиянию с коренной Россией. Н. Бунге акцентирует внимание на том, что иноверие в России связано с конкретным этносом и его языком. Именно данный симбиоз (религии и языка) является фактором мировоззренческого обособления: протестанты – немцы, католики – поляки [9, с. 212]. Бунге считает исключительно важной задачей придание институту православной церкви активного характера. В раннем текстовом варианте политик фактически призывает к прозелитизму. Так, например, он поднимает вопрос о необходимости принятия мер по «разнемечиванию лютеранства». Германизм в Прибалтике, по мнению Н. Бунге, поддерживается не только преподаванием закона божия на немецком языке, но и немецкой проповедью, а также традициями богослужения. Он убеждает в целесообразности введения в богослужение русского языка [8].

Н. Бунге вспоминает о штундизме, развенчивая при этом некоторые предрассудки вокруг него. Он напоминает, что штундизм возник как фактор религиозного противостояния лютеранству. Политик полагает, что представление о том, что штундизм и протестантизм занимаются пропагандой среди православных, является явным преувеличением [там же].

Наконец, важное место в решении проблем окраин, по Бунге, занимает языковая проблема. Весьма современно, почти академически, звучат рассуждения политика-ученого о коммуникативной функции языка, которой его значение не ограничивается: «Язык вводит человека в целую область представлений и понятий, которые выражаются им иначе, чем другими; [...] в языке содержится весь запас народной мудрости, приобретённого опыта, наконец для более развитого интеллигентного населения язык открывает сокровищницу литературы, роднит с историей Государства, делает участником его жизни и судьбы» [8]. Поддерживая К. Победоносцева [18] и многих других политиков того времени, Н. Бунге разделял мнение, что языковая ситуация в империи требует унификации. Однако при всей значимости распространения сферы использования русского языка он призывал к осторожности, предостерегая власти от поспешных и насильственных действий [9, с. 211]. Аргументируя свою позицию, сановник напоминает о негативных последствиях языковой реформы, проведенных в 1864 г. в Царстве Польском, когда принуждение к употреблению русского языка в школе не только не способствовало его распространению, «но усилило к нему и ко всему русскому глубокую ненависть» [8]. Н. Бунге полагает, что более эффективным средством в описываемой им ситуации было не запрещение польского, а создание равных обязательных условий изучения и польского, и русского языков. Бунге сожалеет, что власти отклонили предложения М. Каткова и П. Батюшкова об использовании русского языка в католическом богослужении. Политик вспоминает, что противником проведения русскоязычных литургий в иноверческих церквях были и Николай I, и обер-прокурор граф Д. А. Толстой. В 1885 г. последний выступил против предложения генерал-губернатора Северо-Западного края относительно введения в католическое богослужение как местных наречий, так и русского языка, а также против печати проповедей на русском языке, поскольку это послужило бы на пользу латинской пропаганды и во вред церкви православной» [8]. Бунге не разделял данные опасения и считал их безосновательными. Вместе с тем политик был убеждён, что вышеописанные меры остановили бы процессы ополячивания белорусов и малороссов. Опасным для православия он считал не переход русских в католичество и протестантизм, а ереси, которые во времена Н. Бунге приобрели общественное значение [там же]. Н. Бунге не отрицает, что введение русского языка в иноверческую практику влечет за собой некоторые риски, а именно может стать источником для новых ересей [9, с. 213]. Вместе с тем политик предлагает рассчитывать риски и степень

целесообразности между потерей «нескольких легко заблуждающихся овец, на которых никогда нельзя было рассчитывать», и упрочением русского языка в областях, в которых он вытесняется польским и немецким, поскольку «народность и язык связаны неизменно» [там же].

Бунге настаивает на том, что язык является важнейшим и обязательным фактором единения регионов Российской империи. Без единого языка народ, у которого существует, по сведениям политика, 111 наречий, «не срастётся в нацию, останется нестройным конгломератом лишённым твёрдого государственного единства» [9, с. 214]. То есть, как следует из данного высказывания, Н. Бунге выступает за формирование единой русской нации с включением в её состав множества этнических групп, говорящих, на многих наречиях. Языковую унификацию, проводимую последовательно и ненасильственно, политик считает правильным средством, которое позволит объединить империю. При этом, по Бунге, нет необходимости уничтожать другие языки, но важно обеспечить их «союзничество с государственным». Русский язык должен стать языком церкви, администрации, суда и школы: «Государственный язык как язык господствующего народа и его интеллигентных классов должен проникать в массы, и это мы видим в городах наших окраин, где русский язык в большей или меньшей степени и распространён, и усвоен родоплеменным населением» [там же]. Поскольку усвоенный однажды русский язык должен передаваться из поколения в поколение через институты школы и семьи, а в этом процессе не последняя роль принадлежит матери, сановник выступал последовательным сторонником женского образования.

Важным условием успешной внутренней политики Н. Бунге считал необходимость «узнать и понять» окраины (читай, население окраин), важность «тщательного и добросовестного» изучения гражданских отношений, которые сложились в регионах. При этом «отношения» (в понимании политика, видимо, являются синонимами понятий «традиция», «обычай»), убеждал Н. Бунге, «не пересаживаются как растения, а самая пересадка не всегда бывает полезной» [9, с. 221]. В этом отрывке из последней редакции он, похоже, предостерегает от русификации, предлагая, как минимум, быть весьма осторожным в её проведении: «Особенности [народов] зависят от нравов, нравы же не всегда прививаются, да кроме того прививка не всегда даёт желаемые результаты» [9, с. 211]. Осмотрительность, предостерегает Бунге, важна, поскольку «мы не знаем хорошо ни наших окраин, ни коренной России» [там же].

Колонизация и немецкий вопрос в восприятии Н. Бунге

Россия как многонациональная империя сформировалась в результате двух процессов: территориального расширения Московского царства и иноземной колонизации. Анализ колонизации, представленный в «Загробных заметках», Н. Бунге начал с краткого исторического экскурса, уходящего корнями в XVIII ст. Упомянув немецкую слободу, основанную Петром I, он заметил те изменения, которые произошли в колонизационной политике со времен первого императора: если Петр I приглашал иноземцев-учителей, то при «Анне Иоанновне [они] превратились в начальников» [8]. При том, что в последующие периоды «число иноплеменников в разных отраслях службы до половины XIX века было велико», несомненным является тот факт, что «немецкий элемент исчез бы в русском мире довольно быстро, если бы не пополнялся русскими подданными — прибалтийскими немцами [там же].

К истории появления немцев в России в доколониционный период Н. Бунге относится скорее позитивно: «Иммиграция иноплеменников, состоявшая из отдельных лиц, а не из целых поселений, не представляла никаких неудобств, но, напротив, она приносила с собой силы, которыми Россия была небогата» [8]. Вместе с тем масштабная колонизационная программа второй половины XVIII ст. оценивается Н. Бунге по-иному. Во времена Екатерины II были созданы колонии, «состоявшие преимущественно из немецких сектантов» [там же]. Здесь следует принять во внимание, что слово «сектант» в российской действительности последней трети XIX ст. приобрело весьма негативную коннотацию, и к представителям сектантства относили баптистов, а также представителей других общин протестантского характера, не имевших своей церковной организации [5, с. 297–316]. Образование сектантских поселений, уже исходя из применяемой терминологии, является вредным явлением для религиозной ситуации в империи, ибо сектанты, ангажируя в свои ряды православных, подрывают влияние государственной церкви.

Бунге выделяет основные этапы колонизационного процесса. Он упоминает о законе Александра I (1804 г.), который, с целью ограничения притока иноземцев, ужесточил условия переселения, а также вспоминает унификационные законы императора Александра II (законы 1871, 1874 гг.) [15, с. 268–296]. Основные характеристики данных этапов остаются за пределами «Записок», однако, как следует из предшествующих материалов, Бунге, независимо от особенностей правления и колонизационного законодательства, явно не являлся сторонником массовых переселений

иноземцев. Поскольку Н. Бунге имел немецкие корни и исповедовал лютеранство, он, несмотря на дворянское происхождение, должен был относиться к инородцам, либо же к неофициальной категории «подданных немецкого происхождения». Признавал ли политик присутствие в империи немецкого вопроса? Рассматривал ли он его как внутреннее проявление германизма? Материалы его наследия показывают, что в целом Бунге относился к Германии как государственный деятель и российский подданный, то есть весьма прагматично. Причины проблем во взаимоотношениях России с Германией в начале 1880-х гг. он пояснял ошибочной политикой правительства: «Дозволив чрезмерно усилиться Пруссии, мы потеряли значительную долю нашего политического влияния, чему ясным доказательством послужил мир, нам другими правительствами продиктованный. Русское правительство было унижено. Русский народ страдал от унижения» [13].

Рассматривая немецкий вопрос в системе межэтнических отношений в Российской империи и даже употребляя понятие «германизм», политик не рассматривал его локально, не оценивал с позиций «заговора», а излагал в плоскости отношений с окраинами, выделяя при этом, прежде всего, остзейскую проблему [4]. Проблему присутствия немецкого населения в Прибалтике он характеризовал скорее не с позиций немецкого вопроса, а преимущественно в плоскости внутренней политики, проводимой государством относительно отдельных этнических групп. При этом заметим, что остзейская проблема раскрывается автором лишь в более ранней версии «Заметок», а в последнем варианте завешания она фактически отсутствует.

Правовое положение остзейских губерний Н. Бунге считает беспрецедентным не только для России, но и для других европейских государств. Отношения России с прибалтийскими губерниями приобрели устойчивый характер, и «каждая попытка к сближению с остальной Россией встречала дружный отпор со стороны дворянства и граждан, которые ссылались на дарованные им права, на веками освященные законы и на испытанную преданность господствовавшим сословиям» [8]. Н. Бунге излагает историю остзейской проблемы в XIX в., повествуя о том, как после войны с Наполеоном в регионе были проведены преобразования, которые сохранили за немецким дворянством широкие имущественные, административные и судебные права. Крестьяне же обратились в арендаторов, и с тех пор они испытывают на себе произвол немцев – помещиков. Н. Бунге с уважением отзывался о протесте Ю. Самарина, который ещё во времена правления Николая I пытался выдвинуть на обсуждение остзейскую проблему [8]. Предлагаемые публицистом мероприя-

тия не нашли поддержки ни со стороны монарха, ни со стороны местной администрации (местных генерал-губернаторов, например князя А. А. Суворова), которые всячески уклонялись от изменения системы взаимоотношений центра и окраины, «не всегда оказывались на стороне русской государственности» и были сторонниками местных привилегий [8].

Продолжая своё повествование, Н. Бунге сообщает, что при императоре Александре II реформы в Прибалтике ограничивались малоэнергичными мерами языковой политики (устройством нескольких школ с русским языком), введением нового городского положения (не затронуло некоторых из городских привилегий), а также предписаниями об употреблении русского языка в делопроизводстве. Последнее получило отсрочку по просьбе местных властей. Администрация обещала, что «все будет исполнено, когда местное население более ознакомится с русским языком, уже введенным в школе» [8].

На примере остзейского узла противоречий Н. Бунге показал, что попытка властей использовать для достижения своих целей противоречия между отдельными группами нацменьшинств является малоэффективной. В Прибалтике власти пытались использовать эстов и латышей для борьбы с влиянием немецкого дворянства. План состоял в том, чтобы создать из них «более интеллигентный класс, в противоположность немецкому» [8]. Для этого были введены покровительственные меры относительно периодической печати и деятельности эсто-латышских обществ. Результаты данной политики привели к усложнению отношений, на этот раз между коренными прибалтами и российским государством. Лишь Александр III, по мнению Н. Бунге, начал проводить последовательную политику относительно Прибалтийских губерний – языковую, судебную и административную реформы, которые всё же не устранили всего комплекса противоречий. В целом при Александре III предприняты меры, направленные на устранение потенциальных угроз целостности государства, исходивших из ранее предоставленных этническим окраинам законодательных преимуществ. Н. Бунге настаивает на важности последовательного проведения такой политики, когда однажды «принятые меры и введенные законоположения исполнялись [бы] на местах с разумной энергией» всей вертикалью российских властей, включая генерал-губернаторов [8].

Политик был убежден в том, что «германизм» в регионе держится на культурном симбиозе языка и лютеранской веры. Немцы-дворяне в определенном смысле контролировали регион и оказывали влияние на местных эстов и латышей. И

данное влияние, как полагал Н. Бунге, во многом было связано с применением немецкого языка в лютеранском богослужении, поскольку пасторы внушали местным жителям, что язык церкви (немецкий) является их родным языком. Тактическая ошибка властей состояла в том, что 40 лет назад (видимо, в 1850-х гг.), правительство якобы упустило верный шанс переломить ситуацию, а именно ввести традицию ведения литургии на русском языке. Об этом, как сообщает политик, тогда просили «лютеране и их пасторы». Однако российские власти опасались обратной реакции – прихода русских в лютеранские общины. После объединения Германии настроение пасторов совершенно изменилось. Подобно многим другим политикам, Н. Бунге был убежден, что они более не считают себя русскими, «а чем-то вроде иностранцев, проживающих в России» [8]. В этих условиях они сами не желают введения русского языка в богослужение и «смотрят на язык как на [...] орудие политики» [там же].

Н. Бунге, явно озадаченный решением земельной проблемы российского крестьянина, поддерживает радикализм раннего национализма и обращает внимание Николая II к земельной ситуации на территории юго-западных губерний. Он утверждает, что именно «с появлением свободной, не заселенной помещичьей собственности покупка [земель] значительно усилилась и, с одной стороны, началась усиленная колонизация, преимущественно немцами, южной степной России, а затем - Царства Польского и Волынской губернии; в последней явилось много переселенцев, немцев из Польши и чехов, которым отведены были места для поселения на казенных землях» [8]. Сановник призывает остерегаться тех переселенцев, которые не принимают русского подданства: «[Колонисты] основывали целые поселения на русской земле и оставались членами другого государства, которое призывало их к отправлению воинской повинности. Широкие льготы относительно податей, повинностей, самоуправления, школы и церкви и проч., предоставленные всем колонистам вообще, восполнялись иногда покровительством иностранного посла». И далее: «Колонисты благоденствовали и богатели, но, находясь в полном отчуждении от русского населения, не имели почти никакого влияния на сельское хозяйство русских крестьян» [там же]. Таким образом, в данном пассаже Н. Бунге фактически отрицает позитивную роль колонизации. Отсутствием данного влияния со стороны колонистов Н. Бунге оправдывает законы, принятые Комитетом министров и Государственным советом и направленные на ограничения прав приобретения собственности для бывших колонистов. Он упоминает законы 14 марта 1887 г., указ Государственного совета (от 15 июня 1888 г.), положение 1892 г., принятые по

причине, как он поясняет, «крайней необходимости». Хотя данные законы, по мнению Н. Бунге, и были «предписаны государственной безопасностью», их принятие не является достаточной мерой в решении проблемы данной окраины, поскольку репрессивные действия не способны обеспечить достижения конечной цели – сближения окраин с центром. Выполняя лишь сдерживающую функцию, законы не способствуют обрусению иноземцев, но могут привести к добровольному выезду колонистов из России, а следовательно, к «упразднению той доли культуры, которая была ими занесена». Таким образом, Бунге-охранитель не ограничивается лишь охранительством как таковым, а допускает для себя (противоречит своим вышеизложенным рассуждениям) и продвигает мысль о ценности того социального, производственного и культурного опыта, который аккумуляли в себе бывшие колонисты. Вспоминая свой ректорский опыт, политик призывает быть не разрушителями, но созидателями новых отношений: «Желая воспрепятствовать заселению западной полосы иностранцами, мы в то же время затрудняем возможность пользования теми техническими силами, которыми мы небогаты. «Россия для русских» должно оставаться нашим девизом, но почему не пользоваться тем, что могут дать иностранцы? Ни одна страна в мире не гонит от себя иностранные капиталы и таланты. Во всем есть мера» [8].

Практические рекомендации Бунге относительно решения проблем межэтнических противоречий

Текст «Загробных заметок» выгодно отличается от многих других памфлетов, составленных предшественниками и современниками Н. Бунге, тем, что политик не только вскрывает внутренние проблемы государства, но и подсказывает весьма приемлемые для практической реализации способы их решения. В ранней версии «Заметок» Н. Бунге четко обозначает направления, по которым Российская империя должна совершенствовать свою внутреннюю политику с целью нормализации описанных автором проблем.

Во-первых, декларирует Н. Бунге, связь центра с окраинами должна строиться на принципах добровольности и патернализма: «...Государственная власть должна властвовать над иноплемениками не как власть завоевателя, которой повинуются побежденные до той поры, пока они не смогут свергнуть ее, но что иноплеменики должны со временем сделаться сынами, а не оставаться вечными приемышами страны». Кроме этого, политик настаивает на желательном «слиянии» окраин с коренным населением [8]. Принимая во внимание многие другие высказывания политика, заметим, что под «слиянием» он понимал не ассими-

миляцию, а более прочную связь окраин с государством, добровольное признание своих территорий как неотъемлемой части тела империи.

Н. Бунге являлся убеждённым противником силового варианта решения вопроса: «...Решение иноплеменных и инородческих вопросов путем борьбы и истребления не только нежелательно, но и невозможно...» [там же]. Полякам, например, следовало настойчиво пояснять, что «равенство их с коренным русским населением зависит от их образа действий». Н. Бунге полагает, что в условиях противостояния германизма и славянства поляки потянутся к народу, более близкому по корням и культуре [8].

Во-вторых, убеждает Н. Бунге, в государстве должны быть приняты такие законы, которые следует принять с учетом интересов инородцев. Законы не должны противоречить местным традициям, но укреплять союз центра и отдалённых территорий. Новые правовые условия вызовут уважение иноплеменников и укрепят авторитет российских властей [там же].

В-третьих, Н. Бунге настаивает на важности введения единого государственного языка, которым, по понятным причинам, должен стать русский. Однако он предупреждает, что появление государственного языка должно стать результатом общей потребности в нём, а не последствием уничтожения и искоренения всех иных наречий [8].

Наконец, признавая верховенство и «господство» православия, Н. Бунге призывает к уважению и соблюдению «свободы совести иноверцев и даже сектантов, отпавших от нее по религиозным заблуждениям» [там же]. Он поясняет, что религиозные преследования усиливают сплочение и фанатизм приверженцев всякого религиозного течения. Политик призывает внедрять православие не силою, «а убеждением, примером, доблестною жизнью духовенства» [8].

Подводя общий итог своим размышлениям, Н. Бунге признаёт (видимо с претензиями, в том числе и в свой адрес), что российская политика «много погрешила относительно окраин», и лишь толерантность и вдумчивый подход к данной, весьма запущенной, проблеме способен изменить ситуацию [там же].

Выводы. Появление темы окраин в публицистическом наследии Н. Х. Бунге 1880–1890-х гг. было вполне предсказуемым и обусловленным событием его профессиональной деятельности. Набирающий силы и влияние российский национализм сформировал дискуссионное поле вокруг проблем межнациональных отношений в Российской империи. Сложившийся националистический дискурс влиял на все социально активные группы российского общества, настойчиво апеллировал к политикам, требуя от них практичес-

кого ответа на злободневные вопросы современности.

Преимущественно либеральная программа реформ Н. Бунге отличалась своей социальной направленностью, нацеленностью на создание благоприятных условий для продуктивной деятельности всех социальных групп (включая крестьян и бывших колонистов) с целью получения максимальной отдачи от каждого из сословий. Занимая ключевые посты в Министерстве финансов и Комитете министров, политик неоднократно сталкивался с проблемой решения межнациональных противоречий. «Загробные заметки» Н. Бунге явились его политическим завещанием, которое вместило в себя весь опыт не только политика-практика, но и просто умудрённого жизнью человека, который сановник не пожелал унести с собою в небытие, а предлагал использовать во благо России. Н. Бунге желал быть услышанным и предложил российскому сознанию и российскому обществу весьма умеренный, близкий к либеральному, вариант решения национального вопроса, который в дальнейшем частично будет реализован С. Ю. Витте.

Н. Бунге представил анализ наиболее проблемных моментов в системе взаимоотношений центра и окраин. На первый взгляд (в оценке явлений сепаратизма, важности государственного языка и православия как доминирующей религии, интеграционных настроений), его идеи во многом солидарны оценкам, сформулированным его предшественниками – теоретиками национализма преимущественно консервативного направления. Однако, будучи политиком-практиком, Н. Бунге не ограничивался лишь критикой окраин. Он признавал наличие множества ошибок, совершенных центральной властью на разных этапах формирования отношений центра и регионов, указывал на отсутствие последовательных действий относительно этнических окраин. Перевод проблемы в русло практической политики уже на уровне теоретического анализа со всей очевидностью показало, что силовой вариант решения проблем неприемлем, поскольку не способен принести ожидаемого результата – территориального укрепления империи и формирования единой российской нации. Таким образом, именно поиски практического подхода к решению проблем межнациональных отношений вывели Н. Бунге на совершенно иной уровень осмысления проблемы. Сформулированные им рекомендации носят четкий и вполне пригодный для реализации характер – единую концепцию интеграционной политики.

Будучи по происхождению немцем и иноверцем (лютеранином), Н. Бунге считал себя (и показал себя таковым), прежде всего, россиянином, истинным патриотом монархии и империи. Вероятно, именно его неправославное вероиспо-

ведение и европейская образованность в некоторой степени способствовали его лояльному отношению к решению межнациональных проблем. Н. Бунге осознавал присутствие «немецкого вопроса» в государстве. Оценка ситуации в прибалтийских и юго-западных губерниях была переведена политиком в область проблемы эффективно управления окраинами.

С точки зрения развития теории российского националистического дискурса позиция Н. Бунге занимает трансфертную позицию. Его взгляды отражают период появления государственного национализма, сформировавшегося политикой Александра III, и являются своеобразным пере-

ходом от «созерцательно-критического» этапа, представленного публицистическим наследием раннего национализма, к практическому – деятельности политиков-практиков начала XX в. В рассуждениях Н. Бунге присутствовали элементы и консервативного, и либерального решения проблем, которыми могли бы воспользоваться его последователи в зависимости от собственных приоритетов. Рекомендации политика были обращены к современникам, однако исследуемая им проблема оказалась столь сложна для разрешения, что не только не была исчерпана в ближайшей к Н. Бунге исторической перспективе, но и сохранила свою актуальность в настоящее время.

Библиграфические ссылки

1. **Ананьич, Н. И.** Материалы лекционных курсов Н. Х. Бунге 60–80-х годов XIX в. / Н. И. Ананьич // Археографический ежегодник за 1977. – М.: Наука, 1978. – С. 304–311.
2. **Ананьич, Б. В.** Новый курс: «Народное самодержавие» Александра III и Николая II / Б. В. Ананьич // Власть и реформы: От самодержавной к советской России / Отв. ред. Б. В. Ананьич. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. – С. 369–454.
3. **Ананьич, Б. Чернуха, В.** Партия контрреформ / Б. Ананьич // Родина. – 1992. – № 2. – С. 30–35.
4. **Андреева, Н. С.** Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века / Н. С. Андреева – СПб.: Изд. дом «Мир», 2008. – 312 с.
5. **Безносова, О.** Екатеринославская губерния – Terra Incognita евангельского движения в Российской империи / О. Безносова – Steinhagen: Samenkorn, 2014. – 543 с.
6. **Бунге, Н. Х.** Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. / Н.Х. Бунге: – СПб.: Изд-во Брокгауза и Ефрона, 1890. – Т. 4 а. – 1891. – С. 927–929.
7. **Бунге, Н. Х.** Банковые законы и банковая политика / Н.Х. Бунге // Сборник государственных знаний. Т. 1. – СПб., 1874. – С. 67–96.
8. **Бунге, Н. Х.** Загробные заметки (публикация Шепелева Л. Е.) [электронный ресурс] / Н. Х. Бунге // Судьбы России. Проблемы экономического развития России в XIX – начале XX вв. / Документы и мемуары государственных деятелей. – СПб.: Спас, Лики России, 2007. – С. 191–271. Режим доступа: <https://wg-lj.livejournal.com/791236.html>
9. **Бунге, Н. Х.** Загробные заметки (публикация Степанова В. А.) / Н.Х. Бунге // Река времён: в 2 кн. – М.: Эллис Лак, 1995. – Кн. 1. – С. 198–255.
10. **Бунге, Н. Х.** Письма об изучении политической экономии / Н. Х. Бунге // Русский вестник. – 1857. – Т. 11, № 17. – Отд. 1. – С. 5–64.
11. **Бунге, Н. Х.** О месте, занимаемом политической экономией в системе народного образования и об отношении ее к практической деятельности / Н. Х. Бунге // Экономический указатель. – 1857. – № 27. – С. 637–640; № 29. С. 685–688; № 32. – С. 752–756; № 34. – С. 789–793; № 37. – С. 872–875; № 38. – С. 897–899.
12. **Бунге, Н. Х.** О финансовом положении России (публикация А. П. Погребинского) / Н.Х. Бунге // Исторический архив. – 1960. – № 2. – С. 132–143.
13. **Бунге, Н. Х.** – Победоносцеву К. П. Письмо от 26 мая 1881 г. // Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты: в 2 т. – Минск: Харвест, 2003. – Т. 1. – С. 130–149.
14. **Венгер, Н. В.** Идея о единой русской нации и немецкий вопрос в мировоззрении П. А. Столыпина / Н.В. Венгер // Вопросы германской истории: сб. научн. тр. / отв. ред. С. И. Бобылева. – Д.: Изд-во ДНУ, 2012. – С. 61–91.
15. **Венгер, Н. В.** Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации Юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789–2009): монография / Н.В. Венгер. – Днепропетровск: Днепропетр. нац. ун-т, 2009. – 696 с.
16. **Венгер, Н. В.** «Німецьке питання» в оцінці І. С. Аксакова та Ю. Ф. Самаріна: діалог з російським суспільством у десятиліття «великих реформ» (1860–1870) / Н. В. Венгер // Вопросы германской истории: сб. научн. трудов. – Д.: Вид-во ДНУ, 2011. – С. 30–52.
17. **Венгер, Н. В.** Национальный вопрос в Российской империи в оценке С. Ю. Витте: «...Я не либерал и не консерватор, я просто культурный человек» / Н. В. Венгер // Вопросы германской истории: сб. наук. праць. – Д.: РВВ ДНУ, 2016. – С. 177–211.
18. **Венгер, Н. В.** Психологія російського націоналізму у діяльності П. Победоносцева / Н. В. Венгер // Вопросы германской истории: сб. научн.тр. / отв. ред. С. И. Бобылева. – Д.: Изд-во ДНУ, 2013. – С. 61–91.
19. **Витте, С. Ю.** Воспоминания: в 3 т. / С. Ю. Витте. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – Т. 2. – 639 с.
20. **Витте, С. Ю.** Избранные воспоминания / С. Ю. Витте. – М.: Мысль, 1991. – 708 с.
21. **Зайончковский П. А.** Кризис самодержавия на рубеже 1870-х – 1880-х гг. / П.А. Зайончковский. – М.: МГУ, 1964. – 512 с.
22. **Зайончковский П. А.** Российское самодержавие в конце XIX столетия. (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов) / П. А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1970. – 444 с.
23. **Записка, найденная в бумагах Н. Х. Бунге в 1881–1894 // Источник: Документы русской истории. – 1993. – № 0. – С. 29–40.**
24. **Иконников В. С.** Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Университета св. Владимира (1834–1884) / В. С. Иконников – Киев: Тип. Ун-та св. Владимира, 1884. – 860 с.
25. **Исторический обзор деятельности Комитета министров: в 7 т. / сост. С. М. Середонин. – СПб.: Канцелярия Ком. министров, 1902. – Т. 4 (Сост. И. И. Тхоржевский). – С. 1–111, 23–24, 166–167, 182–184, 222–224, 310–311.**
26. **Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты: в 2 т. – Минск: Харвест, 2003. – Т. 2. – С.170–171.**
27. **Малій, О. В.** Маловідомі сторінки життєвого шляху Християна Бунге / О. В. Малій // Український історичний журнал. – 2009. – № 2. – С. 77–83.

28. **Малій, О.** Родовід Бунге / О. Малій // Спеціальні історичні дисципліни: Питання теорії та методики. – 2007. – № 15. – С. 81. – С. 74–96.
29. **Марахов, Г. И.** Киевский университет в революционно-демократическом движении / Г. И. Марахов. – Киев: Вища школа, 1984. – 119 с.
30. **Модестов, В. И.** В Казани и в Киеве / В. И. Модестов // Исторический вестник. – 1885. – Т. 22, № 11. – С. 321–343.
31. **Муравьева, Л. А.** Реформы министра финансов Н. Х. Бунге / Л. А. Муравьева // Финансы и кредит. – 2014. – № 17. – С. 51–60.
32. **Найденев, Н. А.** Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном: в 2 т. / Н. А. Найденев – М., 1905. – Т. 2. – С. 116.
33. Российский Государственный исторический архив (Российская Федерация, г. Санкт Петербург) (далее РГИА). – Ф. 1273. – Оп. 1. – Д. 437. – Л. 39.
34. РГИА. – Ф. 1642. – Оп. 1. – Д. 198. – Л. 4.
35. Ректори Київського університету, 1834 – 2006. – Київ: Либідь, 2006. – С. 85–89.
36. Российский либерализм: идеи и люди. – М.: Новое издательство, 2007. – 900 с.
37. **Степанов, В. Л.** Вступление. Н. Х. Бунге. Загробные заметки / В. Л. Степанов // Река времён. – М.: Река времён., 1995. – Кн. 1. – С. 198–202.
38. **Степанов, В. Л.** Николай Христианович Бунге / В. Л. Степанов // Истории СССР. – 1991. – № 1. – С. 120–125.
39. **Степанов, В. А.** Судьба реформатора [Электронный ресурс] / В. А. Степанов // Международный исторический журнал. – 1999. – № 5. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20020309041307/http://history.machaon.ru:80/all/number_08/pervajmo/bunge/part4/p3/index.html.
40. **Шепелев, Л. Е.** «Загробные заметки Н. Х. Бунге» / Л. Е. Шепелев // Археографический ежегодник за 1967 г. – М.: Наука, 1971. – С. 242–246.
41. **Шепелев, Л. Е.** Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. / Л. Е. Шепелев – М.: Наука, 1871. – 276 с.

Надійшла до редколегії 19.05.2017